

**ПРОБЛЕМА МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР
И СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В 1950-е ГОДЫ**

© 2014 Г.М. Иванова

Институт российской истории Российской академии наук, г.Москва

Поступила в редакцию 17.03.2014

В статье рассматривается проблема материального благосостояния советских людей в 1950-е годы и анализируется государственная стратегия социальных реформ.

Ключевые слова: 1950-е годы, материальное благосостояние, бедность, социальное неравенство, социальные реформы, социальная политика в СССР, общественные фонды потребления.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00034.

На протяжении десятилетий советская экономика развивалась исключительно в интересах укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности. Задача подъема материального уровня трудящихся, декларированная Конституцией 1936 г., не оказывала заметного влияния на хозяйственную жизнь страны, хотя формально всегда присутствовала в перечне «очередных задач» коммунистической партии. До середины 1950-х годов определяющее влияние на формирование социальной стратегии¹ развития общества оказывали экономические приоритеты советского руководства, выражавшиеся в стремлении любой ценой обеспечить преимущественное развитие тех отраслей промышленности, которые производили средства производства (машины и оборудование, инструменты и приспособления, производственные здания и сооружения, уголь, металл, нефть и т.д.). Материальные потребности населения удовлетворялись в минимальном размере. Из-за низких темпов роста валовой продукции сельского хозяйства, обусловленных самой природой экономических взаимоотношений между колхозами и советским государством, страна испытывала хронический продовольственный кризис².

Известно, что важнейшим социальным индикатором, показывающим уровень социально-экономического развития государства, является бедность. В советском политическом лексиконе такие понятия, как «бедность», «черта бедности», по идеологическим соображениям применялись исключительно для характеристики материального положения трудящихся капиталистических стран. Считалось, что в Советском Союзе бедности нет и быть не может в силу самого характера социалистического строя. Для

Иванова Галина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: ivanovagal@mail.ru

характеристики материального положения граждан, доходы которых не обеспечивали прожиточного минимума, использовалось искусственное слово «малообеспеченность». Между тем существовавший в советском обществе в первой половине 1950-х годов уровень потребления минимальных жизненных благ (питание, одежда, жилищные условия, отдых) позволяет говорить об абсолютной бедности основной части населения³.

В октябре 1954 г. в Советском Союзе побывала группа финских журналистов, возглавляемая главным редактором газеты «Савон Саномат» (Savon Sanomat) Ээро Лаппалайненом. Возвратившись на родину, журналисты написали большое количество подробных статей о своих впечатлениях от поездки, в которых затрагивались различные стороны жизни советских людей. Анализ этих статей, а их было опубликовано не менее полусотни, привел хельсинкского корреспондента ТАСС к неутешительному выводу, что для имиджа СССР «поездка принесла не столько пользы, сколько вреда». В служебном информационном письме под грифом «совершенно секретно» советский корреспондент общал: «Беглый взгляд на людей дал право строптивым журналистам делать выводы об их жизни, материальном уровне. Журналисты преподнесли читателям много тенденциозных сведений, не стесняясь явным извращением фактов. Особенно в черных красках они рисуют жизненный уровень советского народа, его одежду, облик»⁴. В письме приводились фразы и выражения, которыми финны характеризовали качество жизни и внешний вид жителей советских городов и поселков: «население одето, как в 1918 году», люди выглядят «серыми, невеселыми», «судя по одежде, жизненный уровень рабочего народа невысок», «моды советских женщин от-

стали на 2-3 десятилетия». Особенно журналисты высмеивали черные ватники, в которые были одеты как мужчины, так и женщины, что придавало уличному фону советских городов «безрадостный» вид. По словам одного из журналистов, москвичи «кажутся мрачными, сердитой и замкнутой массой, лица людей испещрены сильным трудом. Московская молодежь не ездит на велосипедах и мотоциклах». «Какова уличная картина столицы Советского Союза?» – спрашивал другой финский журналист. Ответ давался такой: «Голод на лицах людей не отражается, но не видно и особой радости. Цвета одежды господствуют черные и темно-синие. Понятие моды пока не особенно установилось в обществе, но бедствия, судя по одежде, не видно. <...> Политика индустриализации, видимо, стоила больших жертв для советских людей». Здесь так же, как и во многих других публикациях, указывалось на «очень высокий уровень цен в Советском Союзе», но при этом отмечалось, что «непосредственные налоги и квартирная плата гораздо ниже, чем в Финляндии». Все журналисты, побывавшие в Советском Союзе (они посетили Выборг, Москву, Ленинград, Грузию, несколько совхозов и колхозов), были единодушны в своих выводах: «советский рабочий живет хуже, чем финский», «советский человек привык плохо жить. Жизненный уровень его повысился, а об уровне жизни на Западе он не имеет понятия». Несмотря на то, что многие отзывы финских журналистов о Советском Союзе были унижительными и неприемлемыми для советских людей, все же в целом они были объективны. Более того, некоторые непредубежденные журналисты отмечали в своих работах, что «в Советском Союзе прилагают огромные усилия для того, чтобы повысить жизненный уровень народа, и делают это быстрее, чем в западных странах»⁵. Субъективные впечатления иностранцев о низком качестве жизни советских людей находили полное подтверждение в статистике государственных органов.

Бюджетные обследования семей рабочих (по всем отраслям промышленности), проведенные ЦСУ СССР в первом квартале 1954 г. и первом квартале 1955 г., показывали, что доля среднемесячных расходов на питание, одежду и оплату жилья составляла в совокупном доходе семьи рабочего 70%, а среднемесячный остаток наличных денег равнялся нулю⁶. В наиболее трудном материальном положении оказывались, как правило, неполные и многодетные семьи. В советской литературе редко писали о размерах и условиях выплаты государственных пособий одиноким и многодетным матерям, чаще всего указывалось лишь на сам факт государственной

помощи таким матерям. В 1950-е годы одинокие матери получали пособие на одного ребенка в размере 50 руб. в месяц, на двух детей – 75 руб., на трех и более – 100 рублей⁷. Выплата пособий прекращалась по достижении детьми 12-летнего возраста. Многодетным матерям были установлены единовременные и ежемесячные пособия: при рождении третьего ребенка единовременно выплачивалось 200 рублей, при рождении четвертого ребенка – единовременно 650 руб. и ежемесячно по 40 руб., при рождении пятого – 850 и 60 рублей и т.д. Ежемесячные пособия выплачивались со второго года после рождения ребенка и до пятилетнего возраста⁸. Конечно, такая система выплаты пособий не могла способствовать снижению дифференциации в доходах и ликвидации бедности многодетных и неполных семей. В этой связи в высшие партийные инстанции поступали тысячи писем от одиноких и многодетных матерей, в которых они просили повысить размеры государственных пособий и продлить сроки их выплаты.

В середине 1950-х годов в СССР все еще сохраняла свою актуальность проблема нищенства, с которой советское общество в очередной раз столкнулось в послевоенный период. 23 июля 1951 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный Указ «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», согласно которому трудоспособные лица, занимающиеся попрошайничеством, а также бродяги, не имеющие определенных занятий и места жительства, подлежали принудительному направлению на спецпоселение в отдаленные районы СССР сроком на 5 лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности. Этим традиционным способом сталинский режим намеревался избавиться от нищих, безработных, бездомных.

Однако очень скоро органы милиции и исполнительные комитеты местных Советов поняли, что решить проблему нищенства только репрессивными мерами невозможно. У этого «антиобщественного» явления были глубокие социальные корни. «Меры, предпринимаемые Управлением милиции для ликвидации нищенства, существенных результатов не дают, так как в большинстве своем нищие являются материально нуждающимися инвалидами или престарелыми и не подпадают под категорию уголовно-наказуемых»⁹, – сообщалось в одной из докладных записок Отдела писем при Президиуме Верховного Совета СССР.

Население крупных промышленных центров, хотя и подавало регулярно милостыню нищим, все же выражало заметное недовольство по поводу того, что улицы областных городов за-

полнены нищими – инвалидами-фронтовиками всех возрастов, стариками и беспризорными детьми. «Почему они оказались на улице, без работы и без куска хлеба, предоставленные самим себе?» – этот вопрос лейтмотивом звучал в письмах и обращениях граждан, которые писали в различные инстанции, указывая на недопустимость нищенства в советском государстве. Однако ни органы социального обеспечения, ни местные Советы не располагали необходимыми материальными и финансовыми ресурсами, чтобы как-то кардинально изменить ситуацию. Социальную поддержку получали не более 2-3% задержанных нищих.

Как докладывали 20 февраля 1954 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и начальник Главного управления милиции Н.П. Стаханов в Президиум ЦК КПСС Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущёву, «несмотря на принимаемые меры, в крупных городах и промышленных центрах страны все еще продолжает иметь место такое нетерпимое явление, как нищенство»¹⁰. За два с половиной года со времени принятия Указа от 23 июля 1951 г. органами милиции в городах, на железнодорожном и водном транспорте было задержано около 500 тысяч человек, просивших подаяние. Среди задержанных граждан 70% составляли инвалиды войны и труда, 20% – лица, впавшие во временную нужду, 10% – профессиональные нищие, среди которых трудоспособных насчитывалось 3%¹¹.

Органы милиции не имели юридических оснований бороться репрессивными мерами с таким составом нищих, так как нетрудоспособные и престарелые не попадали под действие Указа. Эту категорию граждан полагалось направлять в дома престарелых и инвалидов, однако подобных заведений в стране катастрофически не хватало. МВД СССР предлагало осуществить ряд дополнительных мер, в основном репрессивного и принудительного характера, чтобы избавиться от нищих. Вместе с тем министерство взяло на себя смелость предложить в числе прочих неотложных мероприятий по ликвидации нищенства и такое: «Пересмотреть существующее пенсионное законодательство в сторону увеличения размеров пенсий. Предусмотреть выдачу пенсий лицам, ставшим инвалидами с детства или вследствие несчастных случаев, одиноким престарелым, не имеющим других средств существования»¹². Данное предложение отнюдь не являлось актом чрезмерной гуманности репрессивного ведомства, это была трезвая оценка действительно «нетерпимой» ситуации.

Действовавшие до середины 1950 х годов правила пенсионного обеспечения рабочих, служащих и членов их семей в основном были ус-

тановлены в 1928-1932 годах. Согласно этим правилам, заработок, из которого исчислялись пенсии основной массе пенсионеров, был ограничен установленным еще в 1932 г. максимумом в 300 рублей, хотя в 1954 г. средняя заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составляла уже 699 рублей в месяц. Вследствие этого ежемесячные пенсии по старости по общим нормам обычно не превышали 150 рублей для работающих пенсионеров и 210 рублей для неработающих пенсионеров. Такие низкие размеры пенсий имели около 70% всех рабочих и служащих.

Чрезвычайно острой проблемой в сфере материального благосостояния населения было наличие большого количества низкооплачиваемых рабочих и служащих. В секретной справке начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского от 5 августа 1955 г., подготовленной по поручению секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, приводились некоторые данные, характеризующие материальное благосостояние трудящихся в СССР. В частности, в ней были представлены сведения о распределении численности рабочих и служащих по размерам заработной платы. Общая численность рабочих и служащих в этот период составляла 43,6 миллиона человек (100%). Из них получали в месяц заработную плату:

до 300 рублей	– 4,8 миллиона человек (11,1%)
301 – 500 рублей	– 13,7 миллиона человек (31,5%)
501 – 600 рублей	– 5,9 миллиона человек (13,6%)
601 – 700 рублей	– 4,6 миллиона человек (10,6%)
701 – 800 рублей	– 3,4 миллиона человек (7,7%)
801 – 1000 рублей	– 4,1 миллиона человек (9,4%)
1001 – 2000 рублей	– 6,2 миллиона человек (14,1%)
2001 – 3000 рублей	– 0,6 миллиона человек (1,3%)
свыше 3000 рублей	– 0,3 миллиона человек (0,7%).

Как видно из приведенных данных, 42,6% всех рабочих и служащих, или 18,5 миллиона человек, получали заработную плату менее 500 рублей, что было значительно ниже среднемесячной заработной платы в целом по народному хозяйству СССР¹³.

В чрезвычайно трудном материальном положении находилось и колхозное крестьянство. Система оплаты труда в колхозах была такой, что крестьянин не мог на свой заработок полностью прокормить себя и свою семью. На эту часть населения не распространялись ни государственное социальное страхование, ни социальное обеспечение. Средний доход колхозников за 1953 год составил в расчете на одного работающего:

по СССР	– 5300 рублей в год, или 442 рубля в месяц;
по РСФСР	– 5600 рублей в год, или 467 рублей в месяц;
по УССР	– 4900 рублей в год, или 408 рублей в месяц ¹⁴ .

С точки зрения большинства граждан СССР, сложившаяся в стране система заработной пла-

ты не соответствовала принципам оплаты по труду. Авторы многочисленных писем, поступавших, в частности, в редакцию «Правды», отмечали наличие недопустимо большого разрыва между высоко- и низкооплачиваемыми категориями работников и, конечно, предлагали урезать чрезмерно высокие оклады и премии, установив определенный максимум, и повысить оплату работникам физического труда.

«Мне до сих пор не ясно, каким образом мы подойдем к коммунизму, если в нашем социалистическом хозяйстве такая огромная разница в заработной плате между рабочими и руководящими работниками, – писал в 1954 г. в «Правду» рабочий завода «Бежецксельмаш» Н.В. Крылов. – У нас на заводе самая низкая зарплата 300 рублей, а самая высокая 2500 руб. В других местах люди получают 15-20 тысяч и более. При таких условиях одному нужно работать месяц, а второму 4 года. Лица, получающие большую зарплату, пользуясь своим служебным положением, занимают квартиры по 100-200 кв. метров. Если бы не было большой разницы в зарплате, то от такой сверхроскоши многим пришлось бы отказаться. В дома отдыха, санатории и курорты в преобладающем большинстве едут те, у кого большие оклады, а не те, кому бы следовало отдохнуть и подлечиться. Разница в зарплатах нужна, но не такая большая, как она есть»¹⁵.

«Следует задуматься над тем, правильно ли положение, когда существует огромная разница между зарплатой большого количества малоквалифицированных рабочих и непомерно раздутой, роскошной зарплатой научных работников, военных, «высших» работников промышленности и административного аппарата. Для нашей системы амплитуда от 210 рублей в месяц до 18-20 тысяч (не говоря уже о более высоких суммах) – недопустима», – писал в «Правду» М.С. Черный из Молотовской области¹⁶.

Подробный анализ «аномалий» в сфере материального благосостояния советских людей дал в своем письме в редакцию «Правды» Г.Н. Нежданов, житель г.Молотова, бывший учитель, орденоносец, инвалид Великой Отечественной войны, работавший библиотекарем. «В настоящее время существует большая разница в оплате работников умственного труда высших квалификаций и работников физического малоквалифицированного труда, – писал Нежданов. – Уборщицы-технички, няни в детских яслях и садиках получают 210 рублей, сторожа – 280-310 руб., тогда как административно-управленческие кадры, профессура, писатели, крупные актеры, конструкторы, военные высоких званий получают до 15000 рублей и значительно выше. Разница выражается отношением 1:72, 1:48.

Нужно, чтобы разница в зарплате колебалась примерно в пределах 1:5, 1:4, т.е., чтобы зарплата одних была не ниже 400-500 руб., а зарплата других не превышала 2000 руб. Здесь речь идет о твердых ставках, но отнюдь не о сдельной зарплате шахтеров, работающих под землей и получающих очень высокую зарплату с выработки. Такой заработок, понятно, не должен быть регламентирован.

Несмотря на политику систематического снижения цен на товары широкого потребления, жизнь для большей части населения еще нелегка. Прожиточный минимум семьи с доходом в 200-300 рублей – очень низок. Такой семье нет возможности покупать детям молоко, сливочное масло, яблоки. Такая семья ходит в обносках. Ей недоступно приобретение валенок, зимнего пальто и уж, конечно, посещение кино, театра.

Спрашивается, может ли такая семья покупать драп на пальто в магазинах по цене 570 рублей за метр?! А дешевого сукна по цене 57-60 руб. за 1 метр в продаже нет, да и оно для такой семьи дороговато. Такая семья питается черным хлебом и картошкой, покупает сахар в количестве, далеко не соответствующем нормальным потребностям. А нужно еще приобретать дрова, покупать книги, учебники, тетради для детей, учащихся в школе. <...> Дети в бедных семьях зачастую (когда их много) растут вялые, хилые, без игрушек, плохо одетые, плохо питаются»¹⁷.

Весьма характерным для основной массы подобных «писем во власть» было то, что авторы возмущались не столько чрезмерно низкой зарплатой миллионов рабочих и служащих, сколько протестовали против непомерно высоких доходов отдельных категорий граждан. Практически в каждом письме содержится упрек в адрес «богатых», «не знающих счета своим деньгам». Острие критики было направлено против сложившейся системы оплаты и поощрения труда писателей, композиторов, певцов, художников, артистов и других деятелей искусства, профессоров и работников научных учреждений («так называемых кандидатов и докторов всяких наук»); военных, имевших высшие офицерские звания, а также административно-управленческих кадров. Авторы писем предлагали ограничить определенным максимумом доходы названных категорий граждан (так как «деньги губят талант и искусство»), отменить персональные надбавки, прекратить выплачивать Сталинские премии «балеринам за дрыганье ножкой», отменить выплаты «за звание», «не премировать за участие в спектакле или балете, за участие в кинокартине, за написание художественной книги и т.д.».

На первый взгляд высказывания и пожелания основной массы авторов писем напомина-

ют типичные требования люмпенов. Однако при более пристальном рассмотрении причин и оснований выступлений граждан против «миллионщиков», «строителей и владельцев тысячных дач «за зелеными заборами» становится ясно, что в обществе назревал еще недостаточно осознанный социальный протест, народ требовал социальной справедливости.

Высшее партийное руководство, хорошо знакомое с положением и настроениями трудящихся масс, отчетливо осознавало остроту социальных проблем и необходимость принятия срочных неотложных мер по поднятию уровня жизни наиболее бедных слоев населения. В октябре 1955 г. в связи с подготовкой отчетного доклада XX съезду партии Н.С. Хрущёв направил в Президиум ЦК КПСС записку, в которой впервые сформулировал государственную стратегию социального реформирования¹⁸. В ряду наиболее актуальных социальных проблем, требовавших принятия неотложных мер, значились такие вопросы, как повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим, реформирование пенсионной системы, улучшение социального обеспечения инвалидов и престарелых, увеличение количества детских дошкольных учреждений и др.

В числе первых Хрущёв назвал вопрос «об упорядочивании заработной платы». «Нам всем хорошо известно, – отмечалось в записке, – и мы об этом не раз говорили, что в этом деле за прошлые годы образовалось много ненормальностей». Главная ненормальность, считал Хрущёв, заключается в том, что в стране «имеется большое количество низкооплачиваемых рабочих, особенно подсобных, которые на свою зарплату не могут свести концы с концами». Первый секретарь ЦК КПСС был убежден, что «вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих является очень актуальным и необходимо ускорить его решение».

Излагая высшему партийному руководству свое понимание этой важнейшей социальной проблемы, Хрущёв писал: «Мне кажется, что этот вопрос нельзя решить только путем повышения производительности труда, снижения цен и другими мерами. По-видимому, нам надо пойти на прямое увеличение заработной платы низкооплачиваемых работников. <...> В то же время целесообразно несколько снизить заработную плату высокооплачиваемых работников интеллигентного труда с тем, однако, условием, чтобы интеллигенция имела хорошую обеспеченность, но чтобы не создавались условия для излишеств, которые в ряде случаев порождают разного рода нездоровые явления»¹⁹. Последняя фраза Хрущёва свидетельствовала о его солидарности с общественным мнением по поводу сло-

жившейся системы оплаты труда.

Вторым важнейшим социальным вопросом, требовавшим неотложного государственного вмешательства, значился в записке Н.С. Хрущёва вопрос о пенсионном обеспечении. Партийный руководитель прямо называл существовавшую в СССР пенсионную систему «порочной» и открыто признавал, что «для многих категорий пенсионеров установлен очень низкий размер пенсии». Он не предлагал какого-то особого оригинального пути для решения данной социальной проблемы. По мнению Хрущёва, требовалось прежде всего «изменить законодательство о пенсиях, повысить размер пенсий для рабочих и служащих и снизить для некоторых категорий работников, которые получают слишком большие пенсии»²⁰.

Соображения, изложенные в записке Хрущёва, были одобрены членами Президиума ЦК КПСС и учтены при составлении отчетного доклада XX съезду партии²¹. С отчетным докладом Центрального Комитета на съезде выступал Хрущёв. Это был его первый доклад на главном партийном форуме в качестве руководителя партии²². Подводя итоги прошедшей пятилетки (1951-1955), Хрущёв отметил, что «советские люди стали лучше питаться и одеваться, полнее удовлетворять свои культурные запросы», и вместе с тем откровенно заявил: «Но мы не имеем права закрывать глаза на то, что у нас еще нет полного достатка предметов потребления, не хватает жилищ, не решены еще многие серьезные вопросы, связанные с повышением материального благосостояния трудящихся»²³. Проектом шестого пятилетнего плана (1956-1960) предусматривалось повысить в течение пяти лет реальную заработную плату рабочих и служащих на 30%, а денежные и натуральные доходы колхозников на 40% (первоначально намечалось на 45%). От имени Центрального Комитета Хрущёв сформулировал основные пункты социальной программы: повысить заработную плату низкооплачиваемым работникам, улучшить пенсионное обеспечение, расширить жилищное строительство, серьезно улучшить дело общественного питания, значительно расширить сеть детских учреждений, сократить продолжительность рабочего дня при сохранении прежнего уровня заработной платы, расширить сеть домов для престарелых и инвалидов, ввести бесплатное и льготное питание для детей менее обеспеченных родителей, улучшить народное здравоохранение и некоторые другие. Перечислив намеченные социальные задачи, Хрущёв вполне реалистично заметил: «Ясно, что осуществление этих задач потребует огромных средств, поэтому сразу их решить невозможно»²⁴.

По мнению Хрущёва, для покрытия некоторых социальных расходов надо использовать часть средств, накапливаемых в народном хозяйстве в результате роста производительности труда и снижения издержек производства, а также путем более строгого проведения режима экономии, ликвидации различных излишеств, дальнейшего сокращения административно-управленческого аппарата и т.д. Осторожно, хотя и вполне однозначно высказал свое мнение по вопросам ценовой политики: «Возможно, придется использовать и часть тех средств, которые ранее предназначались на снижение розничных цен. В последние годы немалые суммы денежных накоплений, которые создавались благодаря снижению себестоимости и росту объема производства, шли на покрытие потерь государственного бюджета от снижения розничных цен. С конца 1947 г. по 1955 г. эти цены снизились в 2,3 раза. План снижения розничных цен в последней пятилетке перевыполнен»²⁵. Тем самым делегатам съезда, а вместе с ними и всем гражданам ясно давалось понять, что ждать очередного весеннего снижения цен не стоит. Общественно-политический выбор, сделанный XX съездом КПСС в пользу социальной справедливости и ослабления социального неравенства, предопределил дальнейшие пути социального реформирования. Лейтмотивом новой социальной политики стала мысль о том, что государство и партия обязаны заботиться не только об укреплении оборонной мощи страны, о развитии тяжелой промышленности, о производстве средств производства, но и о человеке, который «отдает государству немало лет тяжелого и упорного труда и создает немало ценностей для общества»²⁶.

Во второй половине 1950-х годов развитие социальной сферы становится более динамичным, хотя кардинальных перемен в материальном благосостоянии народа не происходит. Среди мероприятий, проведенных на государственном уровне с целью повышения уровня жизни населения, наибольшее значение имела пенсионная реформа²⁷. Закон о государственных пенсиях вступил в силу с 1 октября 1956 г. Этот нормативный акт не только значительно упростил пенсионное законодательство, но и заметно повысил уровень пенсионного обеспечения. Достижению относительно высокого уровня пенсионного обеспечения способствовало установление различных надбавок к основным размерам пенсий. Новый закон впервые давал право на пенсию по старости при неполном стаже (в размере, пропорциональном этому стажу), что значительно увеличивало численность пенсионеров. Кроме того, закону была придана обратная сила: новые, более высокие нормы пенсий были

распространены и на ранее назначенные пенсии. Главным недостатком нового пенсионного законодательства было то, что оно не распространялось на нетрудоспособных и престарелых колхозников и колхозниц. Только с середины 1960-х годов, благодаря принятому 15 июля 1964 г. Закону о пенсиях и пособиях членам колхозов (вступил в действие с 1 января 1965 г.), началось постепенное улучшение материального положения нетрудоспособных колхозников и колхозниц²⁸.

Во второй половине 1950-х годов законодательная база социальных реформ пополнилась несколькими нормативными актами, улучшавшими условия и оплату труда рабочих и служащих. Так, 8 марта 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни», вступивший в силу с 10 марта 1956 г.²⁹ Вопросы организации труда и режима рабочего времени неоднократно обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС³⁰. Планировалось до конца 1960 г. постепенно перевести рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день, а рабочих, занятых на подземных работах, – на 6-часовой рабочий день. В период с 1957 г. по 1960 г. был принят ряд совместных постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о переводе рабочих и служащих различных отраслей народного хозяйства, а также министерств и ведомств на семичасовой рабочий день, при этом руководителям совнархозов и отраслевых министерств разрешалось по согласованию с соответствующими профсоюзами устанавливать на предприятиях пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями при 8-часовом рабочем дне³¹.

Сложнее обстояло дело с повышением заработной платы низкооплачиваемым группам рабочих и служащих, поскольку этот вопрос приходилось решать «в пределах возможностей». Совместное постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» было принято 8 сентября 1956 г. Согласно этому нормативному акту, с 1 января 1957 г. устанавливалась минимальная заработная плата в следующих размерах:

а) рабочим и служащим, занятым непосредственно на промышленных предприятиях, стройках, предприятиях транспорта и связи, не менее 300-350 рублей в месяц;

б) остальным рабочим и служащим, а также младшему обслуживающему персоналу и работникам охраны промышленных предприятий,строек и предприятий транспорта и связи в городах и рабочих поселках не менее 300 рублей и в сельской местности не менее 270 рублей в месяц³².

Названный нормативный акт, безусловно, способствовал повышению уровня жизни наиболее бедных слоев населения. Однако, несмотря на принятые меры, доля рабочих и служащих с низким уровнем заработной платы оставалась весьма значительной. В марте 1958 г. в Советском Союзе зарплату в размере:

до 400 рублей в месяц получали 22% рабочих и служащих

от 401 до 500 рублей – 13%

от 501 до 600 рублей – около 12%

от 601 до 700 рублей – 10,8%

от 701 до 800 рублей – 9,1%³³

Как видим, доля рабочих и служащих, получавших в марте 1958 г. заработную плату до 500 рублей в месяц (35%), сократилась по сравнению с серединой 1950-х годов на 7,6%. В последующие годы размер минимальной заработной платы постепенно повышался на основе аналогичных законодательных актов.

Социальные реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х годов затронули такие сферы, как охрана материнства и детства, здравоохранение, санаторное обслуживание трудящихся и др. В соответствии с директивами XX съезда партии Президиум Верховного Совета СССР принял 26 марта 1956 г. указ об увеличении отпуска по беременности и родам с 77 до 112 дней (56 дней до родов и 56 после родов). Советское законодательство охраняло материнство и детство, но администрация отдельных предприятий и учреждений нередко нарушала это законодательство, увольняя беременных женщин под предлогом сокращения штатов или понижая их в должности под видом перевода на более легкую работу³⁴. Подобные случаи не носили массового характера, и, как правило, после жалобы работницы в высшие партийные инстанции справедливость восстанавливалась. Гораздо сильнее советская женщина страдала от того, что из-за острой семейной нужды и низкой материальной обеспеченности она была вынуждена работать по найму, но при этом не имела возможности поместить своих детей в детские ясли или детский сад. Это была серьезная социальная проблема, о чем свидетельствовали массовые жалобы населения. Обращаясь в ЦК КПСС, жительница Ленинграда писала: «Может быть, для Вас вопрос очень мелкий, но для меня он главный в моей жизни. Я имею ребенка в возрасте 1 год 3 месяца. Муж мой инвалид Отечественной войны, без ноги, не может содержать на иждивении всю семью, нам отказывают в устройстве ребенка в детские ясли. Мы стоим на очереди уже год, наша очередь 1160. Я вынуждена пойти работать только в ночную смену, но это очень тяжело. Прошу помощи». В безвыходном положении

оказывались матери-одиночки. Вот типичная ситуация, которую описывали многие женщины: «Я, мать-одиночка, имею сына трехлетнего возраста. Работаю на стройке и беру каждый день своего малыша с собой, подвергая его жизнь опасности. Раньше оставляла его одного дома, но он порезал ножку. Обращалась я с просьбами к местным властям, но ответ последовал один – нет мест в детских садах»³⁵.

Учитывая, что в конце 1950-х годов женщины составляли 46% от общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, можно понять, с какой надеждой было встречено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 мая 1959 г. «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста»³⁶. Однако только законодательными мерами решить данную проблему было невозможно, требовались значительные материальные и денежные средства, которыми государство в тот период не располагало.

Более динамичному развитию системы здравоохранения способствовало издание постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 26 марта 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения»³⁷. Во всех республиках СССР государственное здравоохранение было бесплатным. Медицинское обслуживание было гарантированным и доступным для каждого человека, что укрепляло в гражданах чувство экономической безопасности. Но у советского здравоохранения было чрезвычайно много проблем, которые являлись прямым следствием отсутствия достаточного внимания со стороны государства к этой сфере. Крайне слабая материально-техническая база здравоохранения нуждалась в неотложных мерах по её укреплению, расширению и совершенствованию. Расходы на здравоохранение росли медленно, за 10 лет – с 1953 г. по 1963 г. – доля затрат на здравоохранение увеличилась в государственном бюджете на 1,4%, в 1963 г. эти расходы составляли менее 6% от всех расходов государственного бюджета³⁸, что никак не соответствовало ни потребностям развития отрасли, ни задачам социального реформирования.

Опыт проведения мероприятий по повышению материального благосостояния советских людей отчетливо показал, что советское государство не располагает необходимыми достаточными средствами для реализации всех декларативных заявлений и намеченных планов. Поиск путей радикального повышения уровня жизни населения привел Н.С. Хрущёва к мысли изменить критерии,

по которым будут оцениваться достижения СССР в социальной сфере. Свои соображения на этот счет Хрущёв впервые сформулировал в докладе на XXI съезде КПСС (1959). «Как вы знаете, – говорилось в выступлении Хрущёва, – в семилетнем плане предусмотрено, наряду с другими мерами улучшения благосостояния народа, осуществить повышение заработной платы. Возникает вопрос: должны ли мы в повышении благосостояния народа идти только путем прямых прибавок к зарплате и дальнейшего снижения цен? <...> Это только один из путей. Материальное и культурное обеспечение советских людей определяется не только той суммой средств, которые поступают в их личное распоряжение в виде заработной платы и от снижения цен.

При социализме забота общества о повышении уровня жизни народа распространяется на удовлетворение широкого круга разнообразных потребностей человека. У нас имеется действительно коммунистический путь повышения благосостояния трудящихся, создания лучших условий жизни для всего общества в целом, в том числе и для каждого человека. Сюда относятся: обеспечение людей благоустроенным жильем, организация общественного питания, улучшение бытового обслуживания людей, расширение сети детских учреждений, совершенствование образования, организация отдыха и улучшение медицинского обслуживания населения, строительство учреждений культуры и т.д. <...>

Удовлетворение личных, индивидуальных запросов каждого человека должно происходить вместе с ростом материальных и культурных благ в обществе. Оно должно происходить не только путем повышения заработной платы, но и через общественные фонды, общественные учреждения, роль и значение которых будет все больше возрастать»³⁹.

В устном выступлении на съезде Хрущёв еще недостаточно четко сформулировал название нового источника, который обеспечит трудящимся коммунистический путь повышения благосостояния. Он использовал явную аналогию с общественными фондами колхозов, о механизме функционирования которых был хорошо осведомлен. Однако партийные редакторы и пропагандисты быстро подкорректировали текст выступления Хрущёва, внося необходимые поправки в текст опубликованного стенографического отчета. Таким способом сначала в политическом словаре пропагандистов, а несколько позднее и экономистов появился новый термин: «общественные фонды потребления». Появление этой новой категории в политэкономии социализма имело колоссальное пропагандистское и политическое значение.

Перспективы развития общественных фондов потребления на ближайшие 20 лет (до 1980 г.) определила новая, третья Программа КПСС, принятая XXII съездом партии (1961). В Программе КПСС отмечалось, что в СССР имеются «все возможности для быстрого подъема благосостояния всего населения». Правящая партия на уровне важнейшего партийного документа ставила задачу «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма». Эту задачу планировалось осуществить путем: «а) повышения индивидуальной оплаты по количеству и качеству труда в сочетании со снижением розничных цен и отменой налогов с населения; б) расширения общественных фондов потребления, предназначенных для удовлетворения потребностей членов общества независимо от количества и качества их труда, то есть бесплатно (образование, лечение, пенсионное обеспечение, содержание детей в детских учреждениях, переход к бесплатному пользованию коммунальными услугами и т.д.)». При этом предполагалось, что со временем «личные потребности будут все больше удовлетворяться за счет общественных фондов потребления, темпы их роста превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду»⁴⁰.

Коммунистическая программа зафиксировала две главные тенденции в социальном развитии советского государства: всеобщность и равенство. По сути, в программе партии излагался «коммунистический вариант» социальной стратегии «государства всеобщего благосостояния». Несмотря на утопичность программы в целом, многие социальные проекты, представленные в этом документе, оказались в последующие два десятилетия полностью или частично реализованными, и важную роль в этом процессе сыграли общественные фонды потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под социальной стратегией мы понимаем совокупность долгосрочных и среднесрочных целей развития общества в области уровня и качества жизни населения.

² Подробнее см.: Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов М., 2006. С.28-56, 207-285.

³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5. Оп.20. Д.182. Л.98.

⁴ Там же. Оп.30. Д.130. Л.2, 4.

⁵ Там же. Л.4, 6.

⁶ Там же. Д.128 Л. 105-116.

⁷ Здесь и далее все денежные показатели приводятся в масштабе цен до реформы 1961 г. (в ходе денежной реформы 1961 г. обмен денег производился в соотношении 10:1).

⁸ РГАНИ. Ф.5. Оп.20. Д.225. Л.7.

- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп.85. Д.2826. Л.3.
- ¹⁰ РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.78. Л.41.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л.45.
- ¹³ Там же. Д.106. Л.136, 137.
- ¹⁴ Там же. Л.130.
- ¹⁵ Там же. Д.59. Л.111-112.
- ¹⁶ Там же. Л.112-113.
- ¹⁷ Там же. Л.113-114.
- ¹⁸ Там же. Ф.1. Оп.2. Д.3. Л.3-11.
- ¹⁹ Там же. Л.3, 4.
- ²⁰ Там же. Л.4.
- ²¹ Там же. Л.1.
- ²² На предыдущем, XIX съезде партии (1952), с отчетным докладом выступал Г.М. Маленков.
- ²³ РГАНИ. Ф.1. Оп.2. Д.3. Л.125; Д.4. Л.111.
- ²⁴ Там же. Л.128, 133.
- ²⁵ Там же. Л.131.
- ²⁶ Там же. Ф.5. Оп.30. Д.267. Л.207.
- ²⁷ Подробнее см.: *Иванова Г.М.* Формирование советской модели пенсионного обеспечения в середине 1950-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т.15. №5. С.129-136.
- ²⁸ Подробнее см.: *Mücke Lukas.* Die allgemeine Altersrentenversorgung in der UdSSR, 1956-1972. Stuttgart, 2013. S.179-252.
- ²⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. №5. Ст.139.
- ³⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. Постановления. 1954-1958 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С.173.
- ³¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С.914.
- ³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т.4. М., 1967. С.321-323.
- ³³ РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.334. Л.180.
- ³⁴ Там же. Ф.5. Оп.30. Д.186. Л.155-156.
- ³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.556. Оп.16. Д.79. Л.217, 218.
- ³⁶ РГАНИ. Ф.5. Оп.58. Д.41. Л.38.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф.556. Оп.23. Д.125. Л.160-161.
- ³⁸ Народное хозяйство СССР в 1963 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С.654, 657.
- ³⁹ РГАНИ. Ф.1. Оп.3. Д.4. Л.72-73; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1959. Т.1. С.49-50.
- ⁴⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С.90-92.

THE PROBLEM OF MATERIAL WELL-BEING OF THE POPULATION IN THE USSR AND THE STRATEGY OF SOCIAL REFORMS IN THE 1950s

© 2014 G.M. Ivanova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The paper deals with the problem of material well-being of the Soviet people in the 1950s and analyzes the state strategy of social reforms.

Keywords: 1950s, material well-being, poverty, social inequality, social reforms, social policy in the USSR, social consumption funds.